

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ДЕЛЬФИНА БЕРТОЛОН

СОЛНЦЕ НА МОИХ
НОГАХ

Москва
2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б52

Delphine Bertholon
LE SOLEIL À MES PIEDS
Copyright © 2013 by Editions JC Lattès

Фото автора © Claire Garate

Перевод с французского *Л. Ефимова*
Художественное оформление *А. Старикова*

Бертолон, Дельфина.
Б52 Солнце на моих ногах / Дельфина Бертолон ; [пер. с фр. Л. Н. Ефимова]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 224 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-83945-2

Как и в предыдущей своей книге, «Грас», Дельфина Бертолон показывает сложные отношения в семье. Большая и Маленькая, две сестры. Младшая мечтает об одиночестве, но еще мать ей говорила: «Если есть сестра, то от нее никуда не деться». Маленькая тяготеет общением с Большой, но, когда той не стало, понимает, что почти ничего не знала о сестре. Мало-помалу ей открываются тайны, о которых она предпочла бы не знать. Но, увы, «если есть сестра, то от нее никуда не деться».

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-83945-2 © Л. Ефимов, перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Она падала, падала, падала.
Кончится ли когда-нибудь
это падение?

*Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране чудес*

Воскресения бывают лишь
там, где есть могилы.

*Фридрих Ницше.
Так говорил Заратустра*

Маленькая лежала, свернувшись клубочком на коленях Большой, а та раскачивалась в кресле-качалке посреди кухни. Их мать в небесно-голубом платье складывала деревянные кубики в коробку, упираясь босыми ногами в ковер с бахромой. Узкое окошко слишком скупно пропускало лучи майского солнца, но время от времени Мамины волосы словно окунались в золото: Маленькая, не могла оторваться от них, словно загнипнотизированная.

Старшая качалась — все сильнее, все быстрее. Младшая смеялась от страха и восхищения, чуть не слетая с кресла при каждом его качке.

— Мама? — спросила Большая, уставившись на солнце залитыми темнотой глазами.

— Да?

— Когда мне будет столько же лет, сколько тебе, можно я стану воздушной акробаткой?

— Ты сможешь делать все, что захочешь. Все, что сделает тебя счастливой.

Большая прыснула со смеху — и кресло качнулось назад. Потом внезапно остановилось.

— А где твои принцы?

Мать не ответила, но ее взгляд против желания любовно коснулся бархатистых роз в синей стеклянной вазе с завитками на кухонном столе: их недавно доставил мальчишка-посыльный в фуражке, а внутри букета была визитная карточка в красном блестящем конверте. Раскрыв его, она улыбнулась, а потом засунула меж страниц книги.

Большая продолжила качаться, а Ма-

ленькая укусила за ухо своего плюшевого кролика; теперь ей хотелось спать.

— Мама?

— Да?

— А мы так и будем втроем жить, всю жизнь?

Мать положила последний кубик в коробку, закрыла ее и посмотрела на дочерей.

— Конечно. Вы же сестры. Когда у тебя есть сестра, ты уже никогда не остаешься одна.

Маленькая закрыла глаза и, слыша возле своего сердца стук сердца Большой, заснула.

Идет дождь. Уже много дней подряд. Она даже не помнит, когда в последний раз было сухо; можно подумать, это муссон не с той стороны Земли. Тротуары блестят, словно по ним никогда не ходили.

Когда Большая оставалась с Мамой во время долгого сна, Маленькая чистила /

мыла / расставляла все по местам — настоящая домашняя фея (по крайней мере она сама в это верила; правда, пользовалась только крохотной метелкой, а это было далеко не блестяще...). В общем, уборка была с самого начала. Сейчас-то она уже не очень хорошо помнит, когда перестала играть в хозяйку дома. В четыре годика нет представления о времени.

Сегодня время стало ее наваждением. Ужасно не то, что оно идет, а то, что никуда не идет, застревает в горле персиковой косточкой, чуть не душит. Антисептические салфетки, спрей от известкового налета, лосьон с жавелевой водой — убиваешь его изо всех сил, до покраснения рук, но оно по-прежнему здесь: песочные часы, сверху заполненные мусором, пустые внизу, а посередине — сдавленная гортань.

В кинотеатре линия метро проходит прямо над залом, так что его гул отдается в стенах стереозвук. Она подумала: а что будет, если потолок вдруг рухнет?

Прямо на третий ряд. Представила себе вагон, врезавшийся в красные бархатные кресла, черную кровь, оторванные конечности, представила большую — свою сестру — в синей форме работницы «Скорой помощи», представила, как она наслаждается, стоя посреди всего этого и собирая ее, маленькую, по кусочкам, как грибы под небом, разорванным электрическими звездами.

Это ее так захватило, что она даже не поняла, о чем фильм.

Теперь она идет, защищенная камуфляжной тканью своего зонтика; она не нарочно такой выбрала, просто он был самым дешевым в ближайшем универмаге. Из-за порывов ветра она беспрестанно оборачивается, поправляя спицы на каждом перекрестке.

У подножия дома, стоящего наискось к углу улицы, — карета «Скорой помощи», все дверцы настежь, вращается мигалка, вопит сирена. Несут какого-то

старика на носилках. Она машинально бросает взгляд, но проходит мимо. К обломкам жизни она отношения не имеет.

Это вотчина Большой.

С наступлением вечера мать говорила Большой: «Родная, помоги Маленькой накрыть на стол». Хотя одна была ничуть не выше другой. Сегодня из них двоих самая высокая как раз Маленькая. Высокая, очень высокая. Порой ей даже предлагали сфотографироваться на улице; но с тех пор к ней уже давным-давно не пристают.

Большая-то совсем крошечная. Толстенная, крошечная и всегда в черном; круглое лицо, темные волосы и постоянно сопящий духовой инструмент вместо носа, словно у тапира. Однажды Маленькая побывала у нее дома; больше она никогда туда не пойдет. У Большой наваждение: она хранит все, что находит на свалках, обкрадывает мертвецов, роется на помойках, отнимает у бомжей. У Большой кругом грязь, все завалено

рухлядью и напоминает барахолку в сумасшедшем доме.

Маленькая часто думает, что и сама в конце концов угодит в эту кучу вместе с остальным — в виде отдельных частей.

87 — Марсово поле / Застава Рейи. В автобусе она слушает болтовню старушек, которые сидят друг против друга на сиденьях возле выхода и кивают пухом сиреневых волос.

Ты слышала пересадили почку сенбернару он был очень больной но очень храбрый спас кучу людей в общем его стали лечить Прости а ты представляешь каково это найти подходящую почку и потом операция и все такое это же все-таки собака Ах да моя дорогая но собака-спасатель это тебе не простое животное а полезное для общества помнишь как мой сын чуть не погиб под лавиной конечно я его больше не вижу а это все равно что погиб но короче если этого пса могли спасти надо было попытаться это

же нормально Наверное правда ты права собаки гораздо лучше людей.

Если бы Большая была собакой, ее бы никто не стал спасать.

Иногда она представляет себе, о чем болтали старушки в автобусе в том году, в мае, чудесном месяце мае. В том году они обе стоили не больше сенбернара с пересаженной почкой.

Автобус доставляет ее прямо к подъезду, как посылку. Она набирает секретный код и взбирается на восьмой этаж.

Она сушит волосы, потом зажигает свечу «Сиеста под фиговым деревом». В ее горенке служанки все чисто и опрятно, как в те времена, когда тут действительно жили служанки. Опрятно, вылощено до блеска, продезинфицировано — белым-бело. Чернота и беспорядок остаются внутри, укрыты бастионами тела, хрупким решетчатыми конструкциями стен с проступающей известью.

По телевизору говорят, что на горнолыжных курортах сияет солнце. На людях шапочки крикливых расцветок, скрывающие их шевелюры, они распевают, оседлав длинные серебристые стержни. Их послушать, они довольны.

Прошлым летом Большая взяла ее с собой на море. Это было совсем не то красивое море, которое расхваливают в каталогах, густой кобальт и алые кораллы, — это было скорее море после катастрофы, вместо горизонта серый бетон и куча мусорных бачков через каждые полсотни метров. Сестра заставляла ее плавать среди гигиенических тампонов, перебрасывать ракеткой мячик через груды лоснящихся тел. На третий день у нее на спине высыпали волдыри, а потом кожа стала медленно слезать, словно пергаментная бумага. Большая смеялась, чуть не надорвав животики. Так и есть, малышка, думаю, ты проказу подхватила!

Звонит телефон, она вздрагивает.

Даже спустя восемнадцать лет она все еще вздрагивает.

Большая паниковала и махала руками, словно чтобы оторваться от невидимой взлетной полосы.

— Нет! Нет! Нельзя отвечать!

Они обе изо всех сил затыкали уши руками, а это все звенело, бесконечно, нескончаемо, наполняло квартиру на Рвах звоном бубенцов из кошмара, но они, две маленькие девочки, забивались в тень, словно телефон мог их увидеть своими большими серыми глазами на концах трубки.

А потом однажды это перестало звонить.

Но в горенке служанки телефон звонит постоянно — и Маленькая хорошо знает, что это не кончится.

— Алло?

Большая.

— Я кресло нашла! Представляешь,

английское, кожаное! Коричневое! Пружины отовсюду торчат, похоже на средневековый станок для пыток. Я еле доперла его к себе по лестнице, но оно того стоило... Поставила перед камином, тебе обязательно надо взглянуть. А знаешь что? Я упустила грандиозную карьеру, могла бы декоратором интерьеров стать!

Если бы...

На дворе XXI век, у Маленькой телефон без проводов: у него нет глазастой трубки. И все же иногда ей хочется заблокировать линию. Хотя тогда сестра не смогла бы до нее дозвониться и все время совалась бы к ней.

В приемной доктора Каладжа мать читает своему маленькому сынишке книжку с картинками.

Маленькая напрягает близорукие глаза, чтобы разобрать название на обложке. «Спящая красавица». Как бы ей хотелось сказать: «Спящие красавицы не для детей...»

Но разумеется, она ничего не говорит.